

ИНДИВИДУАЛИЗАЦИЯ И ЛОКАЛИЗАЦИЯ ГРАЖДАНСКОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ В ПРОСТРАНСТВЕ НЕУДОВЛЕТВОРЕННОСТИ

Статья посвящена факторам и тенденциям гражданского самоопределения современной российской молодежи. Актуальность темы обосновывается противоречивостью российского социально-политического контекста, ограничивающего потенциал развития конструктивной гражданской субъектности молодежи. Описывается функциональная структура категории «гражданское самоопределение». На основе данных авторского социологического исследования дается характеристика отдельных компонентов гражданского самоопределения (гражданская идентичность, патриотизм, гражданская активность). Фиксируются модернистская их интерпретация и аполитичность молодежи как социальной группы. В заключение отмечается индивидуализация гражданского самоопределения современной молодежи.

Ключевые слова: гражданское самоопределение, молодежь, гражданская идентичность, патриотизм, социально-политическая активность, протестный потенциал, «традиционалисты» и «модернисты».

В условиях обострения внутренних противоречий и внешнеполитических конфликтов возрастает необходимость социальной консолидации всех групп населения с целью обеспечения устойчивого развития общества. Однако, во-первых, на протяжении многих лет эксперты отмечают «зыбкость гражданского согласия» в современной России (см., например, [2, 125]). Гражданская пассивность россиян усугубляется реальной невозможностью оказывать воздействие на процесс принятия политических решений. Такое состояние, с одной стороны, может рассматриваться как проявление «негражданственности», закрепляющейся в качестве стабильной составляющей социального (без)участия. С другой стороны, она является защитным механизмом в условиях уязвимости человека, жесткой зависимости от политики и ухудшающихся условий жизни. Другими словами, приспособление, выбор «меньшего зла», боязнь риска — все это ограничивает пространство массового гражданского сознания [12, 69].

Во-вторых, в контексте социокультурных трансформаций современности изменения в индивидуальном гражданском сознании не успевают за изменениями реальности, что закономерно порождает эффект сопротивления переменам. Поиск устойчивых оснований идентичности продолжает сохранять сущностную дихотомическую структуру всякого «политического»: «чужие» внутри страны и образы внешних «врагов» [11, 52; 15, 97]. В результате одновременно с гражданской пассивностью населения наблюдается всплеск коллективной национальной идентичности, которая противопоставляет себя «западному миру» и бросает вызов глобализации от имени культурного своеобразия и самобытности [10, 82].

С одной стороны, в этом обнаруживаются значимые основания солидаризации российского общества. С другой стороны, такая коллективная идентичность, подкрепляемая общественно-политическим и информационным дискурсом, лишь отвлекает от реальных проблем внутри страны, порождает и подкрепляет иллюзию локальной национальной «уникальности» и «правильности» положения дел в стране. В результате усугубляется гражданская пассивность населения, которое добровольно перекладывает всю ответственность за будущее страны и собственное благополучие на государственные структуры.

Наконец, в-третьих, особенно остро стоит вопрос о том, как представляет себя молодое поколение в отношении к государству и гражданскому обществу, каковы направления его гражданского самоопределения. Молодежи традиционно приписывается социальный динамизм. Однако «повышенный уровень социальной адаптации к условиям трансформирующегося общества скорее связан просто с повышенной готовностью принимать новые правила игры» [7, 121]. Представляется, что отсутствие четко сформулированных социально-политических ориентиров, национальной идеи и объединяющей идеологии, общая социокультурная противоречивость и низкая эффективность государственной молодежной политики закономерно приводят к крайне негативным последствиям. В частности, беспокойство вызывает отчуждение от процессов модернизации и феномен «негативной идентичности», который находит свое выражение в распространении различных ксенофобных установок и националистических настроений в молодежной среде, активизации экстремистских молодежных групп [16, 323].

Возникает потребность в поиске и выборе таких оснований солидаризации и консолидации молодежи и российского общества в целом, при которых гражданская субъектность строилась бы на принципах взаимной ответственности и активности в направлениях общественного развития.

Гражданское самоопределение принято рассматривать по отношению к общественным и государственным институтам [6, 45]. В этом смысле гражданское самоопределение молодежи — это процесс осознания ею своей гражданской принадлежности, конструирования своей субъектности и выбора способов социального участия в преобразованиях страны. Представляется, что только обладающая субъектностью личность способна к самоопределению, а значит, к реализации своих сущностных сил, культурному нормотворчеству в условиях нелинейного характера социальных изменений [3, 36].

Ю. В. Березутский говорит о трех основных аспектах гражданского самоопределения молодежи: гражданская идентичность, патриотизм и политическое участие; все вместе они составляют гражданскую позицию [1].

Гражданская идентичность выступает результатом и основой гражданского самоопределения, представляя собой «осознанный процесс соотнесенности (тождественности) человека с определенной государственной общностью в конкретном социально-политическом контексте» [13, 13]. Т. В. Шамова отмечает кризисное состояние данного аспекта гражданского самоопределения, которое проявляется, с одной стороны, в приверженности молодых людей исторически сложившимся ценностям соборности и коллективизма, а с другой — ценностям

либерализма и потребительства [17]. Эти противоречия подрывают возможность формирования зрелой гражданской идентичности молодого поколения.

Патриотизм рассматривается как ресурс «нормативного» гражданского самоопределения [4, 128]. В самом общем виде он отражает отношение человека к Родине и выражается в ценности традиций, эмоциональной привязанности и ответственности за судьбу страны, а также в активной деятельности, направленной на защиту и отстаивание интересов своего Отечества. И в этом отношении патриотизм выступает качественной характеристикой гражданской идентификации.

Говоря о направленности патриотизма, Л. В. Рожкова выделяет традиционные и модернистские его интерпретации, а также интерпретации гражданственности в целом [14, 36]. Если «модернисты» являются гражданами по паспорту (основой гражданственности выступает проживание на территории страны, а патриотизм основан лишь на эмоциональной привязанности к этой территории, что проявляется в индивидуализации гражданской активности с целью обеспечения личных интересов и направленности на социальные изменения), то «традиционалисты» — это граждане по культуре (основой гражданственности выступают традиции, язык, вероисповедание, а патриотизм явно проявляет себя в поведении, направленности на коллективные интересы и социальную стабильность). Другими словами, если гражданская идентичность «традиционалистов» основана на патриотизме, то гражданская идентичность «модернистов» строится на основании территориальной принадлежности к определенному государству, чего, очевидно, недостаточно для консолидации российского общества. Осознание общности территории с необходимостью должно сопровождаться ответственностью за судьбу страны и активностью в направлении ее прогрессивного развития.

Наконец, социально-политическая активность заключается в готовности выражать и отстаивать свое мнение, мнение референтной группы и общества в целом. Уровень включенности молодых граждан в политическую и общественную жизнь является непосредственным показателем самоопределения личности, востребованности и осуществимости человеком своих прав и возможностей. В этом отношении, анализируя динамику становления гражданского общества, В. А. Орлова выделяет три массива граждан: 1) «безразличные» (предпочитают ничего не делать в защиту своих интересов); 2) «пассивные» (выбирают пассивные формы защиты интересов, такие как подписание обращений к властям); 3) «активные» (готовы выйти на митинг и демонстрацию, отстаивать свои гражданские позиции посредством забастовок и акций протеста, участвовать в агрессивных действиях в защиту своих социальных интересов) [12, 69].

Через активность индивида гражданско-патриотическая идентификация преобразуется в гражданскую позицию личности. Последняя определяет направленность гражданского самоопределения молодежи. Гражданская позиция может рассматриваться на четырех уровнях: 1) индивидуальном — направленность на собственные интересы, что может проявляться, например, в избежательной миграционной активности или крайней оппозиции по отношению к существующему порядку; 2) групповом — направленность на интересы референтной группы; 3) государственном — направленность на интересы страны;

4) глобальном — направленность на интересы других акторов международных отношений или космополитизм. Соответственно в отношении к конкретному государству активная гражданская позиция проявляется в двух формах: конструктивной и деструктивной, то есть молодой человек способствует развитию интересов страны в силу осознания гражданской ответственности или же действует против них в пользу «иных» акторов внутрироссийских и международных отношений. При этом необходимо учитывать, что несформированность гражданского сознания молодежи создает предпосылки для потенциального манипулирования, когда «молодежь используется как авангардная ударная сила» [2, 124].

Вместе с тем существуют разные мнения о содержании интересов страны, обуславливающие разное понимание гражданственности. В целом они определяются смысловыми ориентациями на самоутверждение или самоотречение, социальные изменения или стабильность. В этом отношении противоречивость интересов страны задана, с одной стороны, направленностью на поддержание стабильности, что выдвигает требование конформизма молодежи; с другой стороны, направленностью на социальные изменения, что обуславливает необходимость предоставления широких возможностей для творческой самореализации молодого человека. В частности, например, И. Ясавеев отмечает современное «изменение конструкции “национальная идея” — от конкурентоспособности страны во всех сферах к патриотизму, понимаемому как готовность защищать государство военными средствами от внешних и внутренних врагов» [19, 61]. Такая традиционалистская трактовка представляется ошибочной и ограниченной в контексте современности. Наоборот, более продуктивной представляется позиция А. В. Меренкова: «национальная идея современной России заключается в обеспечении ускоренного саморазвития страны на основе всесторонней реализации творческого потенциала каждого человека» [9, 15–16]. Однако такая модернистская ориентация гражданского самоопределения сопряжена с угрозой крайней индивидуализации молодежной субъектности в современном обществе. Кроме того, поскольку самореализация неизбежно порождает многообразие частных представлений о направлениях общественного развития, постольку она обостряет проблемы неопределенности и манипулирования, чревата столкновением противоречивых позиций и интересов граждан.

Наконец, на наш взгляд, направленность гражданского самоопределения современной российской молодежи необходимо рассматривать в контексте современных тенденций к индивидуализации. Представляется, что «тенденция к индивидуализации является одной из движущих сил на пути изменений в современном обществе» [5, 28]. В этом отношении необходимым основанием конструктивного индивидуализма выступают осознанность и ответственность молодых граждан за будущее страны.

Особенности гражданского самоопределения молодежи выступали предметом авторского социологического исследования, проведенного в 2017 г. в городе Перми методом анкетирования с использованием квотной выборки (пол, возраст, основной род деятельности). Было опрошено 600 респондентов в возрасте от 16 до 30 лет. Полевые работы выполнялись при содействии сотрудников кафедры социологии и Центра социального партнерства и социологических исследований

Пермского государственного национального исследовательского университета. Для дополнительной аргументации использовались данные «Европейского социального исследования» [20], в котором Россия принимает участие с 2006 г.

С целью выявления тенденций гражданского самоопределения молодежи были поставлены следующие задачи: 1) определение оснований гражданской идентификации и патриотизма; 2) характеристика избираемых способов гражданского участия молодежи; 3) выявление факторов активной и пассивной гражданской позиции молодежи. В качестве исходной гипотезы выступала модернистская направленность гражданского самоопределения современной молодежи. В содержательном плане она предполагает гражданскую идентификацию на основе территориального фактора проживания или рождения в стране, эмоциональные основания патриотизма как привязанность к «родной» территории, а также индивидуализацию гражданской активности на обеспечение собственных интересов, прав и свобод.

Для характеристики компонентов гражданского самоопределения молодежи использовались частотные распределения ответов на три основных вопроса: 1) «Что из перечисленного в первую очередь лично для вас означает “быть россиянином”?» (общая территория, национальность, религия, язык, традиционное воспитание, ответственность, самоидентификация (табл. 1)); 2) «Что для вас значит “быть патриотом России”?» (эмоциональная привязанность, чувство долга, долженствование и защита, объективность (табл. 2)); 3) «Если в вашем городе состоятся массовые акции протеста против снижения уровня и качества жизни, ущемления прав и свобод человека, готовы ли вы лично принять в них участие?» (варианты ответа включали готовность быть организатором подобной акции; рядовым участником; обусловленность участия ситуативными факторами; сопереживание протестующим; безучастие; полное безразличие к подобного рода акциям).

В качестве факторов, обуславливающих направленность гражданского самоопределения, рассматривались: 1) восприятие общественно-политического курса развития российского общества; 2) уровень удовлетворенности ситуацией в стране; 3) факты социального давления и поддержки в отношении необходимости гражданской активности молодого человека; 4) ценностные ориентации на самоутверждение, самоотречение, социальные изменения и стабильность. Для измерения первого фактора респондентам предлагалось оценить свое согласие с одним из двух высказываний. Предлагалось две пары высказываний: а) «Путь, по которому идет современная Россия, даст положительные результаты» против «Путь, по которому идет современная Россия, ведет страну в тупик»; б) «Стране нужны быстрые, кардинальные реформы» против «Страна нуждается в стабильности». Фактор удовлетворенности измерялся по пятибалльной шкале от «абсолютно не удовлетворен» до «абсолютно удовлетворен» в отношении экономики страны, работы руководства и системы обеспечения защиты прав и свобод граждан. В качестве субъектов социального давления рассматривались родители, друзья/знакомые, непосредственные руководители по месту работы/учебы, общественное мнение, а также сам респондент. При измерении социальной поддержки респондент мог выбрать субъекты (семья/родственники, друзья/знакомые, коллеги/одногруппники, единоверцы/единомышленники), в которых

он чувствует наибольшее понимание в отношении своих решений, а также указать на то, что он «сам по себе» и этой поддержки нигде не встречает. Наконец, группы ценностей измерялись по методике Ш. Шварца [18].

Результаты исследования свидетельствуют о том, что у каждого второго молодого гражданина основу гражданской идентификации составляет географический факт проживания на территории России. Культурные элементы гражданственности (особенности традиционного воспитания, знание языка, религия) распространены значительно меньше. Менее трети молодых людей связывают свою гражданственность с ответственностью за судьбу страны (см. табл. 1). При этом значимость ответственности в содержании гражданской идентификации заметно возрастает по мере взросления, особенно проявляясь у молодежи старше 25 лет.

Таблица 1

Содержание гражданской идентификации, % от числа опрошенных*

Родиться, расти и проживать на территории России	50
Воспитываться в традициях русской культуры	33
Чувствовать ответственность за судьбу страны	29
Быть носителем русского языка как родного	18
Считать себя «россиянином»	15
Быть русским по национальности	12
Придерживаться русской православной веры	5

* Сумма выше 100 %, поскольку один опрошенный мог дать несколько ответов.

Лишь 12 % респондентов заявляют о том, что не считают себя патриотами страны. В качестве основания гражданской идентификации для них в первую очередь выступает территориальный факт проживания в стране. Собственно, патриотизм в большинстве своем проявляется как эмоциональное состояние и выражается в любви к стране (см. табл. 2). Последнее вызвано стереотипами, формируемыми в подростковом возрасте. Обращает на себя внимание группа приверженцев деятельного компонента патриотизма, связанного с исполнением гражданских обязанностей. Его значимость в содержании патриотизма возрастает по мере взросления. В свою очередь, лишь каждый десятый отмечает свою готовность к защите страны от нападков и обвинений.

В целом стоит отметить внутреннюю непротиворечивость и тождественность содержательной структуры идентификационного и патриотического аспектов гражданского самоопределения. Особенно это проявляется при анализе возрастных групп внутри молодежи. Если в младшей возрастной группе (16–19 лет) относительно (других возрастных групп) высокая важность территориальной принадлежности сопряжена с относительной важностью ее защиты от внешних нападков, то относительно повышенная ответственность старшей молодежи (25–30 лет) сопряжена с более распространенным чувством долга и готовностью говорить правду о своей стране, то есть не закрывать глаза на очевидные нарушения и противоречия внутри страны. Относительной нейтральностью на этом фоне

отличается средневозрастная группа молодежи (20–24 года), в которой важность культурных аспектов гражданской идентификации сопряжена с повышенным чувством привязанности к стране в качестве основания патриотизма.

Таблица 2

Содержание патриотизма, % от числа опрошенных*

Любить свою страну, испытывать привязанность и гордиться ею	63
Испытывать чувство долга, исполнять гражданские обязанности	35
Говорить о своей стране правду, какой бы горькой она ни была	19
Защищать страну от внешних нападок, обвинений	10
Подчеркивать превосходство и исключительность своей страны	9
Ничего из этого. Я не считаю себя патриотом	12

* Сумма выше 100 %, поскольку один опрошенный мог дать несколько ответов.

Обращаясь непосредственно к деятельному компоненту гражданского самоопределения, стоит обратить внимание на интерес молодых людей к общественно-политической жизни в стране и избираемые молодежью способы общественно-политической активности. По данным «Европейского социального исследования», 60 % молодых людей стабильно на протяжении десяти лет изменений мало или совсем не интересуются общественно-политическими событиями; 70 % молодых людей указывают на отсутствие навыков участия в социально-политических процессах современности и неспособность принимать активное участие в управлении. Данные «Европейского социального исследования» позволяют судить о том, что, по мнению 75 % молодых людей, существующая политическая система вовсе не позволяет оказывать влияние на политику. Согласно данным нашего исследования 43 % молодых людей считают, что *«эффективные способы влияния на власть отсутствуют»*. Они проявляют свою активность в таких формах, как петиции и обращения к властям (табл. 3). При этом последнее, вероятно, связано с популярностью онлайн-платформы для создания и подписи петиций Change.org.

Лишь каждый пятый открыто выражал свою гражданскую позицию (принимал участие в разрешенных демонстрациях, бойкотировал). При этом необходимо учитывать направленность таких акций. В ряде случаев наблюдается подмена политического интереса интересами определенных политических и общественных деятелей. События последнего года наглядно показали, что эти деятели активно используют присущие молодежи неконформизм и максимализм для манипулирования при достижении частных целей. Еще меньше тех, кто использовал легитимные способы гражданского участия (участие в работе политической партии, обращение в органы власти или СМИ).

Полученные результаты, с одной стороны, демонстрируют опасность отказа молодых людей от личного участия в прогрессивных преобразованиях страны. Они не видят смысла проявлять свою позицию, так как считают, что повлиять на принимаемые властью решения не могут. С другой стороны, апатичность является фактором конформизации молодежи. Такая позиция внушает

обеспокоенность относительно возможностей манипулирования и потенциального всплеска протестной активности.

Таблица 3

Способы проявления гражданской активности, % от числа опрошенных*

Подписывали петиции, обращения, открытые письма	59
Носили или вывешивали символику какой-либо акции или организации и т. п.	25
Принимали участие в разрешенных демонстрациях, забастовках	22
Бойкотировали, отказывались от покупки каких-либо товаров или услуг	19
Обращались в средства массовой информации	18
Принимали участие в работе политической партии, группы, движения	17
Обращались к конкретному политику, в общероссийские или местные органы власти	15
Считаю, что эффективных способов влияния на власть нет	43

* Сумма выше 100 %, поскольку один опрошенный мог дать несколько ответов.

Интересно, что почти каждый третий (30 % респондентов) выражает свою готовность принять участие в массовых акциях протеста. Кроме того, 16 %, несмотря на то, что участия не примут, все же будут сопереживать участникам. При этом следует учитывать, что протест — это не только проявление самодвижения молодежи, но и результат возможной манипуляции ее сознанием и поведением. В этом отношении нельзя не упомянуть несанкционированные акции накануне и после выборов президента 2018 г. с участием в основном младшей молодежи (16–19 лет), являющиеся выражением интересов крайне узкой группировки лиц.

Готовность принять участие в иницилируемых акциях протеста напрямую связана с уровнем удовлетворенности ситуацией в стране. Результаты исследования демонстрируют традиционное для молодого поколения общее преобладание неудовлетворенности ситуацией в стране и, в частности, состоянием экономики, руководством страны и обеспечением защиты прав и свобод (табл. 4).

Таблица 4

Удовлетворенность ситуацией в стране, индексы¹

	Предмет оценки удовлетворенности			
	Состояние экономики России	Работа руководства страны	Обеспечение защиты прав и свобод	Ситуация в стране в целом
Индекс удовлетворенности	-0,41	-0,34	-0,24	-0,34

¹ Индекс удовлетворенности вычислялся по формуле $I = (2n_1 + n_2 - n_3 - 2n_4)/(n \cdot 2)$, где n_1 — число «полностью удовлетворенных»; n_2 — «скорее удовлетворенных»; n_3 — «скорее не удовлетворенных»; n_4 — «абсолютно не удовлетворенных»; n — общее число респондентов. Значение индекса изменяется в пределах [-1; 1]. Отрицательные значения свидетельствуют о большей выраженности неудовлетворенности, а положительные — удовлетворенности, «0» означает равную численность групп.

Наконец, критика сложившегося порядка задает основу гражданской позиции современной молодежи. В исследовании респондентам предлагалось выбрать (выразить свое согласие с одним) из двух противоположных высказываний, отражающих отношение к общественно-политическому курсу развития страны и необходимость социальных изменений: 60 % респондентов считают, что *«путь, по которому идет современная Россия, ведет страну в тупик»*; 56 % заявили, что *«стране нужны быстрые, кардинальные реформы»*.

Вместе с тем российские власти обеспокоены возможными протестными действиями молодежи и пытаются их предупредить указанием на то, что они являются результатом манипулирования политическими ориентациями и установками этой социально-демографической группы. В связи с этим мы выяснили в исследовании мнение респондентов о наличии какого-либо их принуждения к общественно-политической активности. Большинство респондентов (59 %) считают, что не испытывают никакого давления в этих вопросах; 18 % указали на то, что необходимость гражданского участия исходит изнутри, являясь одной из социальных характеристик молодых людей. Современные молодые люди хорошо знают, что участие в жизни общества не может быть навязано им «сверху». Следовательно, фиксируемая «аполитичность» не может рассматриваться однозначно, — в мотивации на нее переплетаются субъективные и объективные факторы: с одной стороны, неуверенность в эффективности собственного участия; с другой — высокий уровень неудовлетворенности нынешним положением страны.

Однако около 25 % молодых людей указали на наличие такого давления со стороны общественного мнения, непосредственных руководителей на производстве, а также родителей и друзей. При этом если младшая молодежь (16–19 лет) чаще в качестве субъектов такого давления указывает родителей и общественное мнение, то старшая (25–30 лет) — руководство на месте основной занятости. Обнаружилась интересная закономерность: чем больше молодые люди испытывают давление в вопросах необходимости участия в общественно-политической жизни страны и чем выше уровень этого давления со стороны внешних акторов (семья, друзья, непосредственное руководство, общественное мнение), тем выше ориентация на протестную и миграционную активность. При этом протестные и миграционные настроения в большей мере характерны для молодых людей от 18 до 24 лет.

Таким образом, процесс гражданского самоопределения современной российской молодежи протекает весьма противоречиво. Во-первых, гражданское сознание молодежи во многом носит фрагментарный характер. В структуре гражданской идентификации преобладает модернистская интерпретация на основе толкования гражданственности как факта территориальной закреплённости. Как следствие, индивидуализация этой группы молодых людей проявляется в аполитичности и миграционной активности. Лишь в отношении третьей части молодежи возможно говорить о конструктивных основаниях консолидационного потенциала, основанных на взаимной ответственности за будущее страны.

Во-вторых, отсутствует ясное «нормативно-деятельностное» представление о сущности патриотизма: у большинства преобладает стереотипная эмоциональная привязанность к стране на основе «*любви к Родине*». Другими словами, в качестве ресурса гражданского самоопределения и качественной характеристики гражданственности патриотизм играет большую роль по отношению к внешнему миру, но оказывает слабое влияние на формы социальной консолидации на микроуровне. Сегодня на фоне международной напряженности в отношении России, международных санкций абсолютное большинство молодых людей полагают, что «*Россия должна быть великой державой с мощными вооруженными силами и влиять на все политические процессы в мире*». В то же время само государство отнюдь не рассматривается как объект служения, ответственности и солидаризации. Наоборот, ответственность за международное положение России, решение внутренних проблем и обеспечение справедливости они перекалдывают на государство и некую «*твердую руку*», которая наведет в стране порядок.

Наконец, в-третьих, подобная идентификация сказывается на направленности социальной активности молодежи. Несмотря на то что отмечаются общая аполитичность, пассивность и «деформация субъектности» [8, 8] молодого поколения, гражданская позиция большинства молодых людей локализована в пространстве неудовлетворенности и в результате индивидуалистически ориентирована, то есть связана с обеспечением своих прав и свобод. Вместе с тем негативное восприятие ситуации в стране, неудовлетворенность состоянием экономики, работой руководства, обеспечением законности связаны со стремлением молодых людей к социальным изменениям, в том числе через протестную активность.

В итоге гражданская активность современной молодежи представляет собой личностный ответ на общую неудовлетворенность и социальную напряженность в обществе и в мире. Индивидуализация и локализация гражданского самоопределения современной российской молодежи в пространстве неудовлетворенности могут стать причиной ее дезорганизации, манипулирования ею и развития массового протестного поведения.

-
1. Березутский Ю. В., Шепочкин Н. С. Гражданская позиция молодежи региона: опыт социологического анализа // Власть и управление на востоке России. 2011. № 1. С. 151–159.
 2. Берестов В. П. Правовая культура российской молодежи: методологические подходы // Вестн. Южно-Рос. гос. техн. ун-та (Новочеркас. политехн. ин-та). Сер. : Социально-экономические науки. 2016. № 2. С. 124–130.
 3. Вишневский Ю. Р., Зырянова О. Б. Культура безопасности в системе культуры жизни // Вестн. Тюмен. гос. ун-та. Социально-экономические и правовые исследования. 2017. Т. 3, № 1. С. 32–41.
 4. Дубровин В. Л. Патриотизм: перспективы влияния в российском обществе // Власть. 2015. № 10. С. 128–132.
 5. Зборовский Г. Е. Человек и повседневные практики в системе его образа жизни // Пед. журн. Башкортостана. 2007. № 3(10). С. 16–28.
 6. Зеленин А. А., Пфетцер С. А., Горелкин А. В. Политическая социализация «провинциальной» молодежи: информационная поддержка ценностного самоопределения в системе технологий содействия ценностному развитию // Вестн. Кемер. гос. ун-та. Кемерово, 2015. № 3–3(63). С. 45–49.

7. *Зернов Д. В., Иудин А. А., Овсянников А. А.* Молодежь на обломках СССР (1991–2013) // Наука и школа. 2015. № 2. С. 121–138.
8. *Казанцев Е. А., Казанцева Д. Б., Костюк Ю. А.* Преемственность социокультурных образов в современном обществе // Сборники конференций НИЦ Социосфера. 2015. № 14. С. 6–9.
9. *Меренков А. В.* Какой человек нужен, чтобы обеспечить устойчивое развитие России // Изв. Урал. гос. ун-та. Сер. 3: Общественные науки. 2007. № 3 (51). С. 6–17.
10. *Морозова И. С.* «Информациональное общество»: концепция М. Кастельса // Ученый совет. 2013. № 8. С. 79–84.
11. *Новиченко О. В.* Основные тенденции трансформации политических ценностей молодежи современной России // Теория и практика общественного развития. Философские науки. 2013. № 9. С. 50–53.
12. *Орлова В. А.* Особенности становления гражданского общества в России // PolitBook. 2012. № 2. С. 62–76.
13. *Панкратов С. А., Тельнова Н. А.* Специфика гражданской идентичности в условиях политической модернизации России // Изв. Саратов. ун-та. Новая серия. Сер. Социология. Политология. 2012. Т. 12, вып. 4. С. 13–17.
14. *Рождкова Л. В.* Гражданские ценности современной студенческой молодежи // Изв. Саратов. ун-та. Новая серия. Сер. Социология. Политология. 2012. Т. 12, вып. 4. С. 35–39.
15. *Ситников А. В.* Карл Шмитт и модель политического управления // Обозреватель: науч.-аналит. журн. 2015. № 3(302). С. 96–105.
16. Стратегия-2020: Новая модель роста — новая социальная политика. Итоговый доклад о результатах экспертной работы по актуальным проблемам социально-экономической стратегии России на период до 2020 года. Кн. 1 / под науч. ред. В. А. Мау, Я. И. Кузьминова. М., 2013.
17. *Шамовская Т. В., Горбунова Г. П.* Гражданская идентичность в структуре социальной идентичности современной молодежи // Проф. образование в России и за рубежом. 2016. № 4. С. 49–53.
18. *Шварц Ш., Бутенко Т. П., Седова Д. С., Липатова А. С.* Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России // Психология: журн. Высш. шк. экономики. 2012. Т. 9, № 1. С. 43–70.
19. *Ясавеев И.* Лейтмотивы властной риторики в отношении российской молодежи // Russian sociological rev. 2016. Vol. 15, № 3. С. 49–67.
20. The European Social Survey [Electronic resource]. URL: <http://www.europeansocialsurvey.org> (accessed: 03.10.2017).

Рукопись поступила в редакцию 25 июня 2018 г.